

МИРИЭЛ БЬЮКЕНЕН

КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ

Мириэл Бьюкенен

**Крушение великой империи.
Дочь посла Великобритании
о революционной России**

«Центрполиграф»

УДК 93/94
ББК 63.3(2)-8

Бьюкенен М.

Крушение великой империи. Дочь посла Великобритании о революционной России / М. Бьюкенен — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5720-1

Воспоминания Мириэл Бьюкенен (1886—1959) — дочери последнего британского посла в Российской империи Джорджа Бьюкенена, известного русским читателям своими мемуарами, — посвящены событиям восьми лет, предшествовавшим революции. В первой части книги автор описывает прибытие в Петербург осенью 1910 года, знакомство с императорской семьей, представителями высшего света и членами дипломатического корпуса. Мириэл, выполнявшая по поручению отца «светские обязанности» дипломатической службы, рассказывает не только о жизни при дворе, балах и приемах, но и об особенностях «русской жизни»: праздниках, традициях, быте простого народа, положении женщин, а также о политической ситуации в стране накануне Первой мировой войны. Во второй части книги говорится о драматических событиях, ускоривших падение великой державы: убийстве Распутина, череде восстаний и переворотов, расстреле царской семьи, после которых семья посла была вынуждена навсегда покинуть страну. Воспоминания Мириэл Бьюкенен в России публикуются впервые. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9524-5720-1

© Бьюкенен М.
© Центрполиграф

Содержание

От автора	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мириэл Бьюкенен
Крушение великой империи. Дочь посла
Великобритании о революционной России

MERIEL BUCHANAN

THE DISSOLUTION OF AN EMPIRE

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

От автора

Огромное количество выходящих в наше время книг заставляет меня братья за перо с осторожностью, чтобы не навлечь на себя обвинения в подражании дурным примерам. Но если я тем не менее выпускаю эту книгу, то делаю это не столько для того, чтобы описать все, что видела в течение этих лет, проведенных с моим отцом на дипломатической службе, но чтобы осветить некоторые политические и международные события, с которыми я близко соприкасалась, а также чтобы защитить память моего отца от нападок, которым, к сожалению, еще до сих пор придают значение.

Мне довелось быть свидетельницей всех событий, подготовивших русскую революцию, а также и самой революции.

Из уважения к памяти моего отца не следует говорить, как я сожалею о печальной необходимости упоминать о многом, что здесь описано. У меня нет и в мыслях кого-либо в моем труде оскорбить или же задеть.

Часть первая

Глава 1

Прибытие в Россию

Полдня поезд мчался по равнинам Восточной Пруссии. Перед глазами проносились реки, сосновые леса, городки из серого камня с возвышавшимися над ними крышами церквей и замков, беленькие деревушки с красными черепичными крышами, а между ними все время – однообразный простор полей, серое шоссе с крестьянской телегой, трясушейся по грязи, или же одинокая фигура с головой, наклоненной навстречу ветру.

Со странной внезапностью наступила ночь, и поезд казался единственным предметом, в котором была жизнь, в этом таинственном и как будто пустом мире. Я прекрасно воображала себе, как представлялся наш поезд людям там, на полях, – большой огненной змеей, которая летела в темноте с длинным рядом ярко освещенных вагонов, качавшихся из стороны в сторону, и с искрами и пламенем, вырывающимися из трубы паровоза.

Вероятно, какой-нибудь фермер с длинным, узким лицом, серо-стальными глазами и русыми волосами, возвращаясь с базара домой, следил за нашим поездом. «Вот идет экспресс из Берлина в Россию», – думал он. И быть может, он завидовал этим людям, которые покачивались на мягких сиденьях вагонов, потому что они были в тепле, а ему еще придется плестись несколько верст через ветреную равнину к себе домой. Или, быть может, какая-нибудь женщина следила за нами из окна одного из этих маленьких беленьких домиков, отдернув занавеску, и думала: «Вот идет экспресс из Берлина в Россию» – и затем возвращалась готовить ужин своему мужу, задумываясь над тем, как это люди ухитряются готовить в поездах на таком быстром ходу и как хорошо ей готовить в ее уютной кухне с блестящими кастрюлями, большой плитой и мурлыкающей пестрой кошкой, свернувшейся на своей подушке.

Мимо нас проносились освещенные станции, на которых краснощекие прусские железнодорожники в ярко-красных фуражках отдавали честь проходившему экспрессу. Несколько усталых женщин в платках на голове ждали прихода местного поезда.

– Эйджунен. Русско-немецкая граница.

По коридорам слышен топот ног и крики «паспорта». Невольно я припоминаю все прочитанные мною книги о нигилистах и революционерах, о фальшивых паспортах, о русской охранке, тюрьмах и ссылке в Сибирь. И я думала о том неизвестном, который, быть может, сидел в нашем поезде в этот момент с сильно бившимся сердцем в ожидании того, что ему зададут вопрос, на который он не сумеет ответить, и его инкогнито будет раскрыто.

Поезд, наконец, двинулся. Темнота ночи казалась еще более непроницаемой. Мы надели шубы, но все же дрожали нервной дрожью, как будто ветер, пролетающий снаружи, проникал и в наши жарко натопленные купе. Через несколько минут закричали тормоза, раздался протяжный свисток, за окном блеснул яркий свет. Вержболово. Граница Российской империи.

Здесь мы должны были пересестись в другой поезд, так как колея в России шире, нежели колея на европейских железных дорогах, и у меня с болью сжалось сердце, когда я окинула взглядом наше купе. Оно казалось теперь последним звеном, соединявшим меня с миром, который мне был знаком. Это было воспоминание обо всех путешествиях, совершенных нами из Голландии в Вену, из Остенде на Балканы, из Кале в Рим. Позади осталась знакомая нам Европа, впереди была незнакомая, таинственная страна.

Несколько носильщиков, в меховых шапках, шароварах и высоких сапогах, собрали наш багаж, группа военных, в серых шинелях с серебряными пуговицами и красными кантами,

подошла к моему отцу, кто-то подал матери большой букет цветов. Когда мы вышли из поезда, собралась большая толпа, наблюдавшая, пока мы направлялись в ярко освещенный зал станции, в императорские комнаты, которые всегда открывали при проездах иностранных послов.

У меня сохранилось смутное воспоминание о большом количестве людей в форме, о нагруженных багажом носильщиках, о ярком электрическом свете, о гуле голосов – об атмосфере, которая ничем не походила на то, что я до сих пор видела.

Мы очутились в большой гостиной, где нам предложили обед за круглым столом. Там же находилась другая комната, устроенная как спальня и ванная. Умывшись и приодевшись, мы сели за хорошо накрытый стол, и маленький желтолицый татарин, с совершенно выбритой головой, стал обходить нас с блюдами замечательных закусок, тарелками дымящегося борща и расстегаев с рыбой.

После двухчасовой стоянки на границе мы заняли места в новом поезде, где нам уже были приготовлены на ночь постели, и очень скоро заснули. Раза два я просыпалась ночью и слышала гул голосов, говоривших на непонятном языке, и, выглянув через занавеску, видела, что поезд стоял на какой-нибудь освещенной станции и что мимо вагона проходили неясные фигуры в толстых шубах и высоких сапогах. Потом резко звенел звонок, и поезд снова двигался в темноту. Как только забрезжил свет, я подняла штору в надежде увидеть какую-нибудь иную страну. Но мы проезжали через такой же ландшафт, как и накануне: плоские поля, сосновые и березовые леса, грязные дороги, вившиеся по бесконечным равнинам, с тою лишь разницей, что здесь кое-где уже виднелся снег, населения было гораздо меньше, меньше обработанных полей и домиков и заметно было отсутствие благоустроенных ферм.

К десяти часам утра мы проехали Гатчино, вскоре показались первые дома Санкт-Петербурга, и почти что сейчас же мы очутились на Варшавском вокзале, который, по русскому обыкновению, находился вдали от центра города.

Опять у меня сохранилось смутное воспоминание о большой толпе людей в форме, других в толстых шубах с меховыми воротниками, о красной полоске посланного на перроне ковра, о новых знакомствах, приветствиях и цветах. Раздавалась французская и английская речь. Люди смотрели на нас с любопытством. Наконец, за нами закрылись дверцы кареты, запряженной парой лошадей с длинными хвостами, с толстым кучером в синем армяке на козлах.

В тот день Петербург показался мне огромным. Широкие улицы, покрытые грязным, оттаявшим снегом, дома, стоявшие рядами, словно ища защиты друг у друга, переполненные трамваи с резкими звонками, люди, спешащие куда-то, закутанные в шубы. Потом, по мере приближения к лучшей части города, улицы стали шире, в окружающем сером тоне мелькнуло несколько ярких пятен, собор с голубым куполом, усеянным золотыми звездами, большой красивый дворец, кареты и кучера в фетровых шляпах с яркими поясами, городские в шинелях, отделанных черным барашком, большое желтое здание с бледно-зеленой крышей, золотой шпиль крепости, блестящий на солнце, громадный мост, перекинутый через широкую реку. И на углу площади, на которой всегда ветрено, большой красный дом английского посольства, в тот день казавшийся неприветливым и немного мрачным, но который позднее я полюбила так, как не любила ни один дом, в котором мы жили.

В то время английское посольство помещалось в доме графа Салтыкова, половина которого снималась английским правительством внаем. В другой же половине жила семья графов Салтыковых. Это было громадное здание, построенное Екатериной Великой для ее фаворита графа Салтыкова, просторное и очень удобное, хотя и не щеголявшее внешней красотой. От входа длинная лестница вела в первый этаж. В первом этаже слева находилась канцелярия посольства, а справа – спальни, интимные гостиные и ванная. Во втором этаже был кабинет моего отца, три официальных гостиных, бальная зала и большая и малая столовые.

Все окна посольства выходили либо на Суворовскую площадь, либо на Неву; окна же коридора выходили во двор, заваленный штабелями дров, на который выходили также конюшни, прачечная и комнаты для прислуги.

У состоятельных русских всегда бесконечное количество прислуги, и наш дом в этом отношении не составлял исключения, так как, кроме английского метрдотеля и лакеев и наших личных камеристок, в посольстве имелся еще итальянский повар, при котором состояло два или три помощника, две горничных, две девушки на кухне, прачки и бесчисленное количество мужиков в ярких рубашках и высоких смазных сапогах, которые чистили ковры, мыли окна, топили печи, мыли посуду и таскали дрова со двора в наши комнаты.

Мы привезли с собой автомобиль из Англии и английского шофера, но у нас также имелось ландо, две пары саней, открытая «виктория», пара обыкновенных гнедых лошадей и пара серых в яблоках с дрожащими ноздрями и длинными хвостами, которыми очень гордился наш кучер Иван. Он пускал их во весь дух, чтобы, прибыв к месту назначения, сдержать внезапным сильным порывом. Сам Иван, с его бородой лопатой и маленькими бегающими глазами, представлял собою очень внушительную фигуру. Как и все русские кучера, он старался казаться на козлах как можно толще, и его длинный синий армяк, похожий на восточный халат, стянутый в талии золотым поясом, был подбит мехом и навачен так, что когда Иван сидел на козлах, то казался похожим на шар. Эта толщина русского кучера являлась необходимостью не столько для согревания самого кучера, сколько для того, чтобы защитить седоков кучерской спиной от встречного ледяного ветра.

Зимой Иван носил голубую бархатную четырехуголку, отделанную золотым позументом и мехом, с маленькой посольской кокардой английских национальных цветов наверху, а летом старомодный низкий цилиндр, который, впрочем, носили в то время все русские кучера. Его спина была обшита тремя рядами золотого галуна, которые представляли собою отличительные знаки посольского кучера. Кучер полномочного министра и посланника имел два галуна, а секретарь посольства только один. Подобно всем русским кучерам, Иван правил, вытянув руки в белых замшевых перчатках вперед и обмотав их голубыми вожжами, и был глубоко убежден, что все обязаны уступать ему дорогу, а потому, ничем не стесняясь, въезжал с экипажем в самую гущу движения, громко покрикивая на вагоновожатых трамваев, шоферов автомобилей, извозчиков и пешеходов и требуя, чтобы все они сторонились, что, конечно, не всегда делалось охотно. Ему никогда не надоедало ожидать нас часами на жаре и на холоде, дожде и снеге. Иногда он засыпал на козлах, иногда покуривал коротенькую трубочку, которую торопливо засовывал за пазуху армяка, даже не вытряхивая из нее пепла, когда надо было ехать. Я всегда задумывалась над тем, как при этом не загорится его набитый ватой армяк?

Мажордомом был камердинер отца Вильям. Его главной обязанностью была охрана моего отца. Он должен был сопровождать моего отца во всех его поездках, вооруженный палашиком, в треуголке с высоким плюмажем.

К этой обязанности он присоединял еще заботу и ответственность за благополучие всей нашей семьи и за порядок в доме.

Вильям составил список визитов, которые нам предстояло делать ежедневно. Вильям знал также все адреса, а также приемные дни всех жен дипломатов, министров и придворных дам. Вильям следил за нашими шубами и калошами и никому не позволял до них дотронуться. Он вводил нас в нашу ложу, когда мы отправлялись в балет, и он же, когда мы ходили за покупками, указывал нужные нам магазины или покупал при наших путешествиях нам билеты и следил за багажом.

Он носил темно-зеленую ливрею с золотым эполетом на правом плече, а в торжественных случаях – треуголку с темно-зелеными петушиными перьями. Когда же мы участвовали в каком-нибудь официальном приеме, то зеленый плюмаж менялся на белый, который придавал Вильяму сходство с маршалом прошлого столетия. Он всецело разделял взгляды нашего

шофера и кучера Ивана, что все должны на улице уступать дорогу послу, и образ речи, к которому он прибегал в тех случаях, когда возница, сидя наверху какой-нибудь телеги, не обнаруживал слишком большой готовности повиноваться, был полон силы и убеждения, хотя мы и не всегда понимали значения отдельных слов.

У него были замашки диктатора, и лицо его было непроницаемо неподвижно, когда он на чем-либо настаивал. Так, например, если, после серии визитов, моя мать, утомленная, приказывала ехать домой, Вильям говорил строго: «Сегодня приемный день у графини М., и ваше превосходительство еще у нее не были!» Моя мать устало возражала, что визит к графине М. можно было бы отложить до будущей недели. Однако Вильям оставался непреклонным. «Я полагаю, что было бы лучше, если бы ваше превосходительство сочли возможным посетить ее сегодня», – обыкновенно говорил он, и как-то так выходило, что мы уступали ему.

Или же иногда, если собирались нанести визит кому-нибудь, кто, по своему положению, казался Вильяму (который был не лишен снобизма!) недостойным такой высокой чести, он почтительно кланялся, когда моя мать просила его справиться, принимает ли хозяйка, входил в дом, оставался там несколько секунд и, возвратившись, заявлял с каменным лицом, что «госпожи такой-то» нет дома и он оставил карточки. Мы, конечно, догадывались, что он говорил неправду, но спорить с ним было бесполезно, и нам приходилось подчиняться его причудам.

Трудно описать первые впечатления о незнакомой стране и, в особенности, о такой стране, как Россия. Можно было жить в доме, называемом английским посольством, который был устроен всецело на английский лад и в котором постоянно слышалась английская речь, и тем не менее дом этот оставался типично русским домом, построенным Екатериной Великой для фаворита своей юности, выкрашенным в краску, в которую не окрашивают ни один из английских домов, и отличавшимся своеобразной архитектурой.

Парадные комнаты посольства были меблированы в стиле барокко и Людовика XVI, с золочеными стульями, большими канделябрами, резными столами и тяжелыми штофными занавесями. Все это, конечно, придавало этим комнатам чрезмерно официальный и пышный вид. Мои родители, которые во всех странах нашего пребывания собирали старинную мебель, перевезли ее и сюда, и, когда мы развесили по стенам и наши картины, и гравюры и заменили часть мебели старинной английской мебелью, комнаты сделались очень уютными, и если шторы были спущены, то можно было вообразить, что находимся в Англии. Достаточно было, однако, выглянуть в окно, чтобы иллюзия пропадала. Наше посольство находилось на углу Суворовской площади и Дворцовой набережной, напротив Троицкого моста. Во всем этом, конечно, не было ничего английского. По быстро катившей свои воды Неве плыли из Ладожского озера глыбы льда, а на противоположном берегу находилась Петропавловская крепость, построенная Петром Великим в 1704 году, над серыми, угрюмыми бастионами которой возвышались купола собора и мавзолея, в которых покоились останки всех русских императоров, а над всем этим возвышался к небу тонкий, остроконечный золотой шпиль колокольни. По другую сторону Суворовской площади находился знаменитый Мраморный дворец, принадлежавший великому князю Константину Константиновичу. Площадь все время была в движении. Взад и вперед проезжали бесконечные вереницы карет и экипажей с придворными кучерами, автомобили со значками различных посольств и миссий, извозчицы дрожки, запряженные маленькими, быстрыми лошадушками, проходили солдаты в разнообразных формах, офицеры в длинных серых шинелях с бобровыми воротниками, простолюдины в ярких рубашках и меховых полушубках, женщины в платках, молодые барышни в шубках и ботиках, гулявшие с гувернантками англичанками и француженками. И над всем этим возвышались золотые купола, расстиралось вокруг величие и простор Невы и чувствовалось незримое, вечное присутствие великого человека, превратившего свою мечту, благодаря упорству и труду, в реальность.

Было невозможно забыть личность Петра Великого в этой столице, которую он построил. Мне всегда казалось, что дух его, сотканный из странной смеси великодушия и жестокости, гениальности и детской наивности, витал над городом. Глядя на памятник Петра, созданный Фальконе, невольно представляешь, что лошадь, им управляемая, остановилась только на мгновение, что в складках его одежды играет ветер и что рука, гордо простертая над городом, указывала: «Это мой город. Я им повелеваю...»

Существует легенда, что над Петербургом лежит проклятие из-за того большого количества человеческих жизней, которое потребовала его постройка, что он погибнет за страдания людей, умерших от болотной лихорадки или же сломившихся под железной энергией императора, который, не перенося ничьей медлительности, сам копал канавы, таскал камни и клал из кирпичей стены. Выдавались дни, когда казалось, что небо, река, здания, камни набережной были пропитаны безысходной тоской, когда действительно можно было подумать, что какое-то проклятие лежит над этим царственным городом, и ощущалось приближение злого рока. Но проглядывал луч солнца, золотые купола начинали блистать в безоблачном небе, реяли флаги, куранты на колокольне Петропавловского собора играли «Коль славен» в торжественной тишине, и сразу ощущение страха и безнадежности исчезало бесследно.

Глава 2

Петербургский свет

Мы приехали в Россию осенью 1910 года, так что были еще в полутрауре по королю Эдуарду VII и не могли вручить царю свои верительные грамоты. Царь должен был дать большой, официальный прием, на который являлось все петербургское общество, чтобы быть официально представленным. Прием этот был всецело организован заведующим церемониальной частью Министерства императорского двора, и, хотя прием этот происходил в нашем доме, мы не принимали в его организации никакого участия, будучи марионетками в руках церемониймейстера Евреинова.

Суетливый, полный собственного достоинства и официальности, Евреинов составлял списки приглашенных, давал нам указания, как стоять, где стоять, где должен будет находиться буфет, что именно следует приготовить и какое количество шампанского, крюшона и лимонада. Он даже сказал, как мы должны быть одеты. Черные или темные цвета не были приняты при дворе и на официальных приемах, и, так как мы были в полутрауре, мы должны были выбирать между бледно-серым и лиловым. Мы не должны были сказать более нескольких слов каждому. С некоторыми из гостей мы должны были здороваться за руку, но были некоторые, которые должны были быть приглашены из-за своего политического положения, но которые, однако, не были приняты в придворных кругах, и этим лицам мы должны были просто кланяться. Брови Евреинова поднялись в виде протеста кверху, когда моя мать заявила, что будет всем тем, которые находятся в ее доме, жать руку, каково бы ни было их социальное положение. И когда наступил вечер, Евреинов был страшно взволнован, как бы мы не забыли его предписания или, еще хуже, не сделали что-нибудь противного его указаниям. С большой старательностью он сгруппировал моих мать и отца в центре первой приемной, велел мне встать немного в стороне около двери, ведущей во вторую гостиную, и распределил чинов посольства позади нас в точном порядке их положения и ранга.

В своей книге «Мои русские воспоминания» сэръ Бернард Перс упоминает о том, будто он слышал от моей матери, что на этот прием было разослано три тысячи приглашений, в том числе членам английской колонии, весьма обширной в Санкт-Петербурге. Я лично точно не помню, сколько было человек, и не думаю, что их столько было, но, во всяком случае, казалось, что мы стоим долгие часы, пока мимо нас проходили бесконечные генералы в блестящих формах и орденах, старые дамы в шуршащих платьях, украшенных драгоценным жемчугом, адмиралы, камергеры, чиновники различных ведомств, члены Академии наук, коммерсанты и пр. Евреинов стоял возле нас и называл по имени каждого гостя. Поздоровавшись, они проходили во вторую гостиную, а оттуда в столовую, где были установлены длинные столы с угощением...

Официально зимний сезон начинался с рождественского благотворительного базара, устраиваемого великой княгиней Марией Павловной, в то время вдовой великого князя Владимира Александровича. Базар этот устраивался в Дворянском собрании, продолжался четыре дня и был открыт с двух часов дня до полуночи. Все выдающиеся члены петербургского света имели свои киоски, сгруппированные вокруг главного киоска великой княгини. Весь Петербург толпился здесь, чтобы купить какую-нибудь дорогую безделушку, внимательно осмотреть туалеты присутствовавших и получить благосклонную улыбку великой княгини.

Как только кончались рождественские праздники, начиналась серия балов и вечеров, и промежуток времени между Рождеством и Великим постом был наполнен самыми разнообразными развлечениями. Великосветских барышень отделяла строгая граница от молодых замужних дам: они редко бывали на одних и тех же балах и не имели тех же самых кавалеров. То, что называлось «Ba1 Blanc», давалось только для молодых барышень, иностранцев на них не приглашали, и вдоль стен сидели ряды страшных дуэний, зоркими глазами следивших за

танцующими и готовых делать не слишком благосклонные замечания, если какая-нибудь из барышень танцевала более двух раз с одним и тем же кавалером. Каждая из барышень должна была подойти поздороваться и сделать реверанс каждой из этих старух прежде, чем начать танцевать. Если же она не знала кого-нибудь из них, то ее надо было церемонно представить. Для иностранки они все казались безнадежно одинаковыми, были всегда одинаково одеты в черный, серый или же фиолетовый атлас, носили на плечах меховые палантины и имели изумительный жемчуг. Их волосы были всегда гладко зачесаны. Я скоро заметила, что совершала непростительные ошибки: то меня представляли два раза в один и тот же вечер одной даме, то я подходила к особе, с которой не была знакома, и меня встречали холодные, наставительные взгляды.

Преимущество «белых балов» заключалось в изобилии кавалеров, так как дирижер танцев должен был строго следить за тем, чтобы барышни не сидели. Кавалеров даже не спрашивали, желает ли он танцевать или нет; ему ставился лишь вопрос: есть ли у него дама или же нет, и, если кто-нибудь отвечал отрицательно, несчастного молодого человека, внешне покорного, но в душе проклинающего все и вся, подводили к даме, и он должен был ее пригласить.

Другой характерной чертой «белых балов» было то, что на них очень редко играл оркестр. Обычно его место занимал старый и седой тапер, который играл уже несметное количество лет на всех балах Санкт-Петербурга и который, вероятно, знал все тайны знатных семей так интимно и под таким необыкновенным углом, что остается только пожалеть, что он не написал книгу своих воспоминаний.

Старые дамы, сидевшие на своих жестких стульях, бросали на него взгляды, полные сентиментальных воспоминаний. «Как хорошо он играет, – говорили они, покачивая головой в такт музыке. – Помните, когда он играл на балу, который давали шатан? Тогда я впервые встретила Сержа. На мне было розовое платье и яблочный цвет в волосах. Великий князь Павел был тогда на балу. Он еще не был женат и такой красавец. Ах, моя дорогая...» И они уплывали на волнах давно умерших воспоминаний, в то время как их дочери танцевали под ритмичную музыку старика, а они следили за ними серьезными, внимательными глазами, которые, казалось, знали все тайны юности.

На «белых балах» танцевали обычно вальс, кадрили и мазурку; на тустеп смотрели как на танец недостаточно элегантный, а офицерам было запрещено танцевать уанстеп и танго, так что весь вечер был занят бесконечными кадрилями. Для этой цели вокруг зала были расставлены маленькие золотые стулья, на которых все сидели в ожидании команды запыхавшегося дирижера: «*Avancez! Reculez! Grand rond! Chaine!*»¹ Обыкновенно эти кадрили начинались очень чинно и кончались бешеным темпом.

К концу вечера объявляли начало котильона. Это была самая важная часть каждого бала. И здесь также ставили золотые стулья вокруг зала, и несчастный дирижер должен был составлять не только пары, но и находить визави, устранять споры, преодолевать осложнения и улаживать взаимные обиды между молодыми людьми, которые желали танцевать с одними и теми же барышнями.

Фигуры котильона не отличались особенно от фигур кадрили, но они обычно сопровождались раздачей лент, цветов и прочих бальных украшений и сюрпризов. Кавалеры раздавали барышням широкие атласные ленты с бубенчиками, а те в свою очередь дарили своим избранникам розетки и ордена. Посреди зала ставили высокие изгороди из красных роз, и через них надо было поймать руку невидимого кавалера. Пускали пестрые воздушные шары. Вносили корзины золотистых нарциссов, тюльпанов и ландышей, парижских фиалок, нежной сирени, букетов роз, гвоздики, тюльпанов и гиацинтов. Эти цветы привозили с юга Франции в специально отапливаемых вагонах, и стоили они массу денег.

---

¹ Вперед! Назад! Большой круг! Линия! (*фр.*)

Но котильон не был концом вечера. После него подавали горячий ужин, за который садились парами за маленькими круглыми столами, а старшие – помещались за длинными столами каждый по своему рангу. Своею строгой формой ужины эти скорее напоминали официальные обеды, и хотя за круглыми столами царило некоторое веселье, старые же дамы, вероятно, радовались концу бесконечного бала. У подъезда ожидали экипажи с кучерами, одетыми в шубы, и терпеливыми долгогривыми конями, дремавшими в пару. Мигающий свет зажженных больших костров бросал смутные тени на занесенные снегом улицы. Закутанные в меховые шубы, в ботиках, нагруженные цветами, лентами и воздушными шарами, выходили раскрасневшиеся барышни со своими мамашами. Сходили с лестницы группы офицеров, звеня шпорами и весело желая спокойной ночи друг другу. Лошади гремели упряжью, кучера кричали, двери открывались и закрывались. Постепенно гасли огни, и, наконец, в большом доме наступала тишина.

На балах, которые давали для молодых замужних дам и на которые меня иногда приглашали, все было менее церемонно, а следовательно, и более интересно. Там, например, не было мрачных рядов пожилых дам, которые сидели вокруг залы, почти не было кадрилией, и оркестр Леонарди или Коломбо играл вальсы и уанстепы столько, сколько мог пожелать самый завязтый танцор. Играл румынский оркестр Гулеско так, как могут играть только румыны, когда вам кажется, что у вас на ногах выросли крылья, а голова витает в облаках. Если бывал еще котильон, то он никогда долго не продолжался, и за ним следовал совершенно не церемонный ужин, и так как он бывал обычно не слишком поздно, то после него можно было еще танцевать.

С началом Великого поста танцы прекращались. Поэтому последняя неделя перед первой неделей поста была сплошь посвящена балам и развлечениям, кульминационным пунктом которых являлось воскресенье, так как, по православным обычаям, первая неделя поста проводилась в посте и воздержании, и начиналась она после полуночи в воскресенье на Масленой.

Таким образом, воскресенье являлось *folle journee*², и надо было пользоваться каждым моментом этого дня. Молодежь проводила этот день, посещая один дом за другим, завтракала в одном месте, пила чай в другом, урывая минуту для балета между ранним обедом и поздним ужином, потом пила чай на *the dansant*³, который кончался обычно не то ужином, не то обедом, где ели сколько могли в предвидении близкого поста. Семьи, которые имели поместья под Петербургом, приглашали в этот день к себе. Этот день начинался с грандиозного завтрака, после которого ехали кататься в лес, покрытый снегом, или же скатывались на салазках с ледяных гор в саду. За этим следовал обильный чай, после которого играли в разнообразные игры, потом ранний обед и танцы до полуночи, когда все внезапно смолкало, когда усталый оркестр складывал свои инструменты, тапер переставал играть, и молодежь вздыхала с сожалением, а старики, быть может, с облегчением. Еще один большой сезон подошел к концу.

Однако после первой же недели строгого поста опять начинались обеды, за которыми следовали бриджи или же концерты. Балет, опера и французский театр были переполнены, и *five o'Clock*⁴, приемы и концерты заполняли все дни.

Иногда светские обязанности были очень утомительными, и официальные обеды представлялись чересчур длинными и однообразными. Казалось странным, что от них можно было ожидать веселья и разнообразия. Обычно на них приходилось сидеть рядом с третьим секретарем какого-нибудь восточного посольства, который умел только улыбаться или же издавать какие-то загадочные звуки, когда я к нему обращалась. Или же – с пожилым господином, который разговаривал свысока и задавал нелепые вопросы вроде: «А как вы переносите петербург-

---

² Сумасшедший день (*фр.*).

³ На танцах (*англ.*).

⁴ Пятичасовой чай (*англ.*).

ский климат? Вам нравится Россия? Находите ли вы наше общество интересным? Вы, вероятно, очень огорчены тем, что „большой сезон“ окончился?»

Еда на этих обедах была всегда по одному и тому же образцу. Шампанское было слишком сладким, цветы плохо разложены по столам, разговоры какие-то напряженные. Дамы рассматривали незаметно туалеты друг друга, как это принято во всем мире, запасаясь критическими замечаниями, чтобы поделиться ими с мужем или же с интимным другом: «Подумай, мой дорогой, мадам Ж. была в новом платье. Я думаю, что она сшила его у маленькой портнихи на Шпалерной, хотя я уверена, что она скажет, будто получила его из Парижа. У мадемуазель Д. новая прическа. Очень шикарно, но она выглядит с ней на десять лет старше. Я уверена, что графиня Д. выкрасила в черный цвет и переделала свое старое шелковое платье».

После обеда все общество садилось за бридж, мужчины рассаживались по углам, разговаривая о политике, женщины говорили о детях и прислуге, и время медленно ползло к одиннадцати часам, когда можно было уйти.

Однако не все обеды проходили одинаково. Бывали вечера, когда часы бежали слишком быстро, когда было оживленно и весело и когда даже самые скучные люди казались приятными. Один из таких обедов, оставивший во мне яркое воспоминание, был обед, данный великой княгиней Марией Павловной в ее большом дворце, построенном в 1870 году, который своей флорентийской архитектурой казался построенным не на месте на Гранитной набережной против покрытой льдом реки. На этих обедах присутствовали обыкновенно самые красивые женщины, самые интересные мужчины, самые занятые члены дипломатического корпуса. Большие белые залы были переполнены колышавшейся массой людей, яркими цветами дамских платьев, разнообразными формами военных, сиянием драгоценностей и отличий.

Прежде чем сесть за стол, гости шли в отдельную комнату, где стоял закусочный стол. Там каждый запасался тарелкой и брал со всех блюд: грибы в сметане, икру трех сортов или копченого сига, волжскую рыбу, соленые огурчики или жареную колбасу, салат оливье, семгу, ветчину, яйца и т. д. Прислуга обносила подносы с рюмками водки. Стоял шум от разговоров, слышался женский смех, и создавалась легкая, приятная атмосфера. Потом переходили в столовую, и, хотя все уже порядком закусили, никто не мог устоять против тарелок дымившегося борща или русских щей, которые подавались со сметаной и пирожками. Все отдавали также честь стерляди, жареным рябчикам, за которыми следовала гурьевская каша, искусно перемешанная фруктами и орехами, на приготовление которой требовалось 24 часа. Между блюдами подавали маленькие желтые папиросы, и сквозь их голубоватый дым сияли драгоценности на руках женщин, свет отражался тысячами бликов на орденах или же сиял на золотых аксельбантах на плече какого-нибудь великого князя.

Мне кажется, что я была очень избалована, потому что помню, как мне иногда надоедала вся эта напыщенность и церемонность. Я мечтала о простоте, и мне казалось забавным пообедать в кресле у камина или же за кухонным столом. Но когда я однажды вечером заговорила об этом с сидевшим со мною рядом французским послом, он взглянул на меня серьезными, пронизательными глазами и тихо вздохнул. «Какая вы глупенькая, – медленно сказал он, сглаживал тоном своего голоса резкость этих слов. – Вы не знаете, сколько людей вам завидуют, и вы не знаете, с каким сожалением вы это будете вспоминать. У вас теперь так много всего, что оно кажется вам обыкновенным, даже немного утомительным. Но когда-нибудь вы узнаете цену всему этому. Кто знает, несмотря на все, сколько времени это может продлиться. Кто знает, какие бури могут унести все это. Этот казак, стоящий за стулом великой княгини, – какое красочное пятно его черкеска – это символ умирающей традиции, и скоро, быть может, все это будет воспоминанием, и вся эта роскошь и богатство, которые кажутся нам теперь обеспеченными и несокрушимыми, могут исчезнуть вместе с ним».

В тот момент, мне кажется, я не обратила никакого внимания на его слова, приняв их за мрачные размышления человека, который любит высказывать вслух свои впечатления. Но

теперь я вспоминаю их с чувством боли, с бесполезным сожалением о прошлом, которое теперь нельзя вернуть.

В России было правило, что жена каждого посла имела свой приемный день раз в неделю, и, хотя этого «ада» моей матери удавалось некоторое время избегать, ей все же пришлось подчиниться обычаю. Мне кажется, что я так же ненавидела эти среды, как и моя мать.

Эти среды означали, что мне следовало подняться в большую гостиную и сидеть там от двух часов дня до шести-семи часов вечера. Это означало – принимать мало знакомых людей, приходивших толпой. Среди них были два-три странных типа, приходившие аккуратно каждую неделю, для которых посещение нашей гостиной было единственным видом развлечения. Это означало бесконечные чашки чаю, бесконечные тарелки с пирожными и бисквитами, а для меня лично – попытки разговаривать с рядом молодых барышень, которые сидели, вытянувшись на своих стульях, в скромных шляпах. У них были блестящие носы, прямые волосы, и они не умели разговаривать. Все, конечно, знали, что это только напускное и, что в своем интимном кругу, когда они станут разговаривать о религии, философии, любви, отношениях между полами и политике, не будут стесняться, и что, как только они выйдут замуж, в их внешности произойдет полная метаморфоза: они начнут пудриться, причесываться к лицу, научатся флиртовать, поддерживать разговор и носить платья из Парижа. Но хотя я все это знала, мне от этого не было с ними легче разговаривать, и это не разряжало скуки этих длинных зимних приемов.

Еще одной особенностью русской жизни был балет, который являлся государственным учреждением и поддерживался правительством. В Англии все знают русский балет, но имеют весьма слабое представление о технической стороне танцев, между тем как в России каждое движение, каждый жест балерины были известны, и ни малейшая ошибка в танце не проходила незамеченной орлиными взглядами критиков, которые сидели в зале. Если на частицу секунды был упущен такт или же в позе балерины было недостаточно гармонии, зала встречала танец ледяным молчанием. Зато громкие аплодисменты встречали исполнение какого-нибудь трудного пируэта или же арабеска.

Обучаясь с раннего детства в Императорской балетной школе, русские танцовщицы посвящали всю жизнь своему искусству, со всем пылом и энтузиазмом, на которые они были только способны. Было далеко не легко приобрести ту легкость, которая делала их похожими на порхающих по сцене мотыльков, или же выработать силу мускулов, необходимую для гармонии движения. Это означало бесконечные усилия, ежедневно долгие часы утомительных упражнений, вечные уроки, даже один пропущенный урок влек за собою уже некоторую медлительность, движения становились незаконченными, шероховатыми, вместо мягких и плавных, и весь образ танцовщицы становился затуманенным, вместо того чтобы быть очаровательно ясным.

Когда я была в России, брала уроки танцев у Соколовой, бывшей прима-балериной Императорского балета. Она считалась одной из лучших преподавательниц балетных танцев Санкт-Петербурга. Павлова и Карсавина брали у нее ежедневно уроки. Кипы пыльных балетных афиш висели у нее в передней. Картонки, переполненные балетными туфлями, стояли во всех углах, и повсюду чувствовался слабый запах пудры, мыла и одеколona. Иногда, пока я одевалась, слышен был урок в соседней комнате, раздавались звуки дешевого пианино, на котором играли Шопена или Чайковского, доносились равномерные удары танцующих ног, которые время от времени прерывались строгим голосом: «Па-де-ша. Па-де-бурэ!⁵ Нет, нет, левую ногу вперед!» Потом появлялась какая-нибудь разгоряченная фигура и, усталая, опускалась со слабой улыбкой в кресло. «Теперь ваша очередь, мадемуазель. Мадам готова». И я входила в большую залу,

---

⁵ Балетные термины – шаг кошки и специфическое переступание ног, названное в честь французского танца бурре.

в которой находились один стул с прямой фигурой Соколовой, пианино и ваза с цветами на подоконнике.

Балет бывал каждое воскресенье и каждую среду в Мариинском театре, и почти все кресла и ложи на этом спектакле были заняты по абонементу, который было очень трудно получить, так как эти абонементы буквально переходили по наследству от отца к сыну. В опере можно было сидеть где угодно, но в балете ни одна дама не могла сидеть нигде, кроме лож. Также считалось неприличным стоять у барьера ложи в продолжение антракта, так что, как только опускался занавес, все удалялись в аванложу, где курили, разговаривали и принимали знакомых, которые сидели в партере.

Когда я закрываю глаза, все еще чувствую особенную атмосферу этого красивого театра, аромат амбры и шипра, шоколада и папирос, едва уловимый запах отопления, кожи и вековой пыли, поднимаемой на сцене танцующими ногами. Я вижу перед собою белую с золотом и голубым отделку театра, ложи, далекую галерею, партер, переполненный артистами, музыкантами, молодыми дипломатами, офицерами в блестящих формах и старыми генералами. Иногда, вопреки всем правилам хорошего тона, молодые барышни наклонялись из ложи, посылая улыбку какому-нибудь молодому человеку. Несколько старых господ разговаривали серьезно не о политике, а спорили о технике какой-нибудь балерины, горестно покачивая головой и соглашаясь с тем, что искусство хореографии клонится к упадку, и последние балеты хуже предыдущих. Полные дамы купеческого звания жевали шоколад, преподнесенный им в перевязанных лентами коробках стройными мужчинами; в фойе гуляли молоденькие барышни и молодые люди, занимавшие места на галерее, и за ними наблюдали боязливые мамы, заедая слабый чай пирожными с кремом.

Внезапно оркестр рассаживался по местам, резко звучал звонок, люди спешили по коридорам, открывались и захлопывались двери лож, слышалось шуршание платьев и движение, в то время как постепенно угасал свет, и большой занавес поднимался, вновь унося в «страну грез».

Глава 3

Придворный быт

Жизнь в России тесно переплетена с исповеданием православия. Если кто-нибудь переезжает на новую квартиру, открывает магазин, школу или же какое-нибудь здание для общественного пользования, то обыкновенно здесь служитя молебен, и никто бы не осмелился отправиться в путешествие или начать новое дело, не помолившись пред иконой Божией Матери или одному из бесчисленных русских святых, которые висели в каждом русском доме на самом почетном месте. Быт древних русских царей являлся странной смесью византийской пышности, распушенности и чисто монастырской суровости. Московский Кремль, в котором величайшие народные святыни расположены в непосредственной близости к царским дворцам, является нагляднейшим доказательством, как тесно было связано православие со всей жизнью русских царей. Вся пышность и великолепие московского периода русской истории носила строго религиозный отпечаток. Одним из особенно чтимых праздников был праздник Крещения и водосвятия, когда царь сходил из Кремля к берегам Москвы-реки в сопровождении бояр и стрельцов в ярких кафтанах. Здесь ожидало царя духовенство в блестящих золотом облачениях, и царя перевозили трижды в лодке по длинной проруби, специально вырезанной для этого случая во льду. Особые люди строго следили за тем, чтобы прорубь не замерзла.

В течение столетий этот обряд в точности воспроизводился в Москве и был перенесен в несколько измененном виде и в Санкт-Петербург. Из года в год на Дворцовой набережной на Неве строилась Иордань, в которой 6 января служили молебен, освящали знамена гвардейских полков, после чего происходил церковный парад. В 1905 году во время крещенского парада едва не произошло большого несчастья. Как можно предположить, из-за недосмотра военного начальства в числе солдат Лейб-гвардии Конной артиллерии оказались злоумышленники, которые зарядили одно из орудий батареи, стоявшей у Биржи на Васильевском острове, не холостым, а боевым, шрапнельным снарядом. В результате этого несколько окон в Зимнем дворце было разбито, один городской и солдат тяжело ранены. Во время возникшего по этому поводу переполоха государь Николай II оставался совершенно спокойным и только отметил в своем дневнике: «Во время салюта очередь шрапнели из одного орудия первой батареи Гвардейской Конно-артиллерийской бригады попала в Иордань и во дворец. Один полицейский был ранен, осколки были найдены на площади пред дворцом, и знамя Гвардейского Экипажа порвано. После завтрака я принимал дипломатический корпус и министров в золотой гостиной. В 4 часа дня я возвратился в Царское Село и гулял».

Это происшествие так никогда и не было раскрыто, так как государь приказал дело замять и ни на кого не было наложено никакого взыскания.

Говорят, что, однако, в следующие годы государь не присутствовал при водосвятии на Неве, и тогда среди населения столицы пошли толки, что это будет причиной самых тяжелых бедствий. И как это ни странно, но летом 1908–1909 годов в Санкт-Петербурге вспыхнула сильная эпидемия холеры, и народная молва утверждала, что это Божье наказание, так как вода на Неве не была освящена молитвами царя и что поэтому она заражена холерными вибрионами. Поэтому в 1911 году государь решил снова принять участие в церемонии водосвятия, которая должна была произойти с традиционной пышностью, и действительно летом того же года холерной эпидемии в Санкт-Петербурге не было.

Крещение пришлось в чудесный солнечный день. Снег, густо выпавший за неделю пред этим, превратил серый, грустный город, который нас встретил, в нечто совершенно сказочное. Нева лежала между гранитными берегами, одетая сплошным покровом девственного снега. Золотые купола церквей и шпили крепости и адмиралтейства сияли ослепительным светом.

На фоне ясного голубого неба развевались трехцветные флаги. Всюду чувствовался подъем, движение, нарастание праздничного настроения.

В Зимнем дворце тишина нарушалась неясным гулом голосов, шелестом атласа, звяканьем шпор и оружия. Придворный скороход, в темно-зеленой ливрее с головным убором, украшенным черными и желтыми страусовыми перьями и посаженным набекрень, провел нас по лестнице Иорданского подъезда, по длиннейшим коридорам и громадным залам, переполненным военными и гражданскими чинами в самых разнообразных формах. Лейб-гусары, в красных венгерках, вышитых золотом, с белыми доломанами, отороченными бобровым мехом, кавалергарды в белых мундирах с серебром, конногвардейцы в белом с золотом, похожие на Лоэнгринов, гвардейские казаки в ярко-красных, синих и голубых мундирах, конвойцы в красных черкесках с белыми бешметами, офицеры гвардейской пехоты, артиллеристы, офицеры Генерального штаба. Казалось, не было конца разновидностям этих молодых людей, с обветренными лицами и высокими, стройными фигурами. Мы шли через Георгиевский зал, с мраморными колоннами, Тронный зал, завешанный алым бархатом, Малахитовую гостиную, Фельдмаршальский зал, Гербовый зал, пока, наконец, не достигли громадной галереи, где был собран дипломатический корпус. Солнце освещало ярким светом всю эту залу, играя на туалетах дам, мундирах дипломатов, ярко-красном мундире британского военного агента, старинном венгерском костюме австро-венгерского посла и разнообразных формах французских, немецких, итальянских и испанских военных агентов.

Некоторое время мы прогуливались без цели по галерее, рассматривали павильон Иордани, выстроенный на набережной, любовались прямыми линиями войск, которые вытянулись вдоль набережной, низкими серыми стенами крепости, пошептались о том, будут ли сегодня пушки вести себя так, как подобает вести себя на церковных парадах, старались припомнить, с кем мы еще не здоровались, и избегали скучных людей, которые лезли с комплиментами.

И вдруг где-то громко распахнулись двери, послышался стук жезлов церемониймейстеров о блестящий паркет, и обер-церемониймейстер медленно прошел вдоль зала, возвещая начало Высочайшего выхода. Это обозначало, что обедня в церкви Зимнего дворца окончилась. Мы старались протиснуться вперед, чтобы увидеть вдовствующую императрицу, великих княгинь и придворных дам, которые шли из церкви во внутренние покои дворца.

Во главе длинной процессии шла вдовствующая императрица, миниатюрная, стройная и в то же время поразительно величественная в своем белом атласном, отделанном серебряной парчой платье, с длинным шлейфом, отороченным таким пышным и темным соболем, что он казался почти черным. Ее серебряная диадема сияла бриллиантами, тройное жемчужное ожерелье – дар покойного императора Александра – обвивало ее шею, платье было вышито бриллиантами, и нити жемчуга спадали с ее плеч. Позади шла великая княгиня Мария Павловна, тоже вся в белом с серебром, две сестры государя великие княгини Ксения и Ольга, великая княгиня Виктория Федоровна – в платьях василькового бархата, к которому чрезвычайно подходило замечательное сапфировое ожерелье супруги великого князя Кирилла Владимировича, потом шли так называемые «

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.